

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Под ручку
с мафией*

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ
МАТЬЯНА
ВАНОВА

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Под ручку с мафией

«Научная книга»

1999

Серова М. С.

Под ручку с мафией / М. С. Серова — «Научная книга»,
1999 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Хозяйка процветающего ресторана Элла Шубарова поручает частному детективу Татьяне Ивановой поиски человека, шантажирующего ее сына Станислава. Неожиданным союзником Татьяны в этом деле становится один из главарей городской мафии. Их общий противник – таинственный шантажист – уже «достал» нескольких банкиров и «авторитетов», заставив их платить ему дань...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Серова

Под ручку с мафией

Глава 1

Для тех, кто меня не знает: Татьяна Александровна Иванова, возраст, скажу по секрету, довольно почтенный – уже почти 27 лет, профессия – частный детектив. Хотя в моем родном Тарасове знают меня многие. Не то чтобы узнавали на улице и спешили помочь донести сумку, уступить место в трамвае или на перекрестке – пропустить мою машину вперед. У наших людей такая поразительная самоуглубленность, что и соседей-то своих замечают редко. А вот, бывает, из «братвы» кто вдруг нежданно-негаданно, вопреки всем примочкам, загремит в места отдаленные за грехи свои, так нет-нет да и проверят, не приложила ль тут Ведьма чертово копыто. Надеюсь, вы догадались, у кого это такое милое прозвище? Впрочем, оно мне нравится. Или на суде адвокат вдруг выдаст новые подробности по делу, не оставляющие камня на камне от сварганенного на скорую руку обвинения, так опера себя спрашивают: «А чем в последнее время была занята Иванова? Да не просрочена ль, наконец, у нее лицензия?»

Все хорошо у Ивановой. Все в норме! Живет она и солнышку радуется. И будет радоваться, пока живет. И подруги у нее есть, и друзья, и, по секрету опять же, мужиков хватает.

Кстати, о мужиках. Соседка моя по подъезду, Ольга Олеговна, а по-простому – баба Оля, я называю ее бытовой энциклопедией, потому что знает все обо всех, симпатичнейшая старушечка, что-то не дает мне последнее время проходу: мол, подружки твои, Танька, замужем все, иные уж не по первому разу, а ты все в мамзелях бегаешь. Нехорошо, мол. Не знаю, чего она ко мне пристаёт? Может, фигура моя меняется, может, в лице что, а я не замечаю? Всему свое время. Настанет срок и продлению рода. Дело это ответственное, и заниматься им, на мой взгляд, нужно в тепле и достатке. А на это я пока не заработала. Выскочить за богатого? Мечта многих начинающих клушечек. Да, случаи такие мне представлялись, и не раз. Не прельщает. Вообще-то нормальных мужиков не густо – кто на деле своем повернут, кто на деньгах, кто на самом себе. Да и от денег больших до криминала расстояние невелико, это я как специалист говорю, можете верить. А с криминалом я предпочитаю иметь дело только в качестве детектива.

Опять на профессиональную тему сворачиваю. Уж, казалось бы, о самом нейтральном, о мужиках, заговорила, и все туда же! Видно, права баба Оля, замуж пора.

А за кого бы? Есть тут некий Стасик. Что на четыре года моложе – плевать, окрочу, если с азартом за дело взяться. Глаза хороши, будто у Киркорова, – в душу заглядывают, беспокоят. Высокий. Рыхловат, правда, но не безнадежен, перевоспитать можно. Но не то! Он – пупок. Серьезно, пупок. Матушка у него богатая, его к делу приставлять пытается, а ему это – как мокрице до потолка. Живет при ней в особнячке пупком. Пупом то есть. Всея земли. И смеется визгливо. А всех достоинств-то: с девками не перебарщивает, наркотой не увлекается, выпивает редко и умеренно. Хотя, может, уже и это немало.

А живи-ка ты, Станислав, без Татьяны!

Есть еще Володя. Фамилия его хороша. Звучная такая: Коврин. Мы с ним ровесники, или он постарше чуть, не помню. Простой электрик в больнице. Зарабатывает некрупно, живет скромно. Один живет. Был женат, что-то разошлись они. А почему? Ладно, этот лучше Стасика, потому что проще. И здоровье у него дворняжье. Порезали его недавно, так всего две недели в больнице отлежал, бегаёт сейчас, как мустанг.

С ним был случай: проходил соучастником по одному делу. И деньги взял. За соучастие. Это я ему простила. Роль его была телячья, деньги – приличные. Многие бы не отказались при случае. Но все-таки моя фамилия мне нравится больше, чем Коврина.

А вот... Имени, теперешнего, правда, не знаю. Звался Страдаевым, Иваном Антоновичем. Агентурная кличка Джентльмен. Это я его так назвала, потому что он упорно не желал представляться. Такое прозвище уже, согласитесь, характеристика. Только не кандидат он в мужа. Староват, но не это главное. Злой он, змей с холодным взглядом. Да и в подполье сейчас, а значит, неведомо где. Довелось мне от него натерпеться.

Кириянов, тоже Володя, женат давно, двойняшки у них, жена дома сидит, детьми занимается. Живут на его подполковничью зарплату. Изю всех известных мне ментов этот – самый порядочный. Знаю его давно, с институтской еще поры. И знаю хорошо. А когда-то знала еще ближе. И ничего плохого от него не видела.

Остается один Чекменев. Спортсмен – мордобоец. Тоже частник, вроде меня. Людей тренирует, учит самообороне. Знает карате и у-шу. А слабость его – уличный стиль. Обычная народная уличная драка. Действия без ритуалов. Рациональнее, говорит, нет ничего. Ему виднее – специалист. Костенька! Хорош и как партнер по ресторанам, и как поддержка в трудную минуту. Бывает на мели, бывает при деньгах. За душой, знаю наверняка, ни гроша. И не добивается ничего. При расставании смотрит немного по-собачьи, так, знаете, с поволокой в глазах. Если откровенно, не раз меня подмывало, ну, вы понимаете. Останавливало только одно, но зато мощно: сейчас мы с ним друзья, а как вылезем из-под одеяла, начнутся права и обязанности. Но я когда-нибудь не выдержу, ей-Богу, и организуем мы с ним сыскное бюро. Или школу рукопашного боя. Зависеть это будет от одеяла, вернее, от того, кто его на себя перетянет.

Этой пятеркой круг моих знакомств среди мужского населения Тарасова, конечно, не ограничивается, и в деле, о котором я буду рассказывать, участвуют не только они. Но этих, за исключением Страдаева, судьба связала через меня друг с другом надолго. Пользовалась я их помощью не раз. С их доброго согласия или без оно использовала в изобретаемых мной комбинациях при расследовании целого ряда криминальных и житейских передраг. А в этой истории все вместе они фигурировали впервые, по-разному, но весомо.

Ох, что-то размечталась я! Неужели права баба Оля? А, кстати, история с ресторана-то и началась. Меня беспокоил стресс после очередного, благополучно законченного расследования. Было необходимо избавиться от ненужных теперь впечатлений. Над способом достижения этого голову ломать не хотелось, так и выпало, не самое оригинальное, но вполне эффективное – посетить какое-нибудь место не из самых значных. Костя Чекменев согласился составить мне компанию в этом мероприятии и место определил.

Есть уютенький такой ресторанчик неподалеку от городского парка. Кормят там неплохо. Блюда простые, но качественные. И знаете что, там можно заказать самогон! Русский, пшеничный самогон! Мы с Костей его и заказали после шампанского. Подали в приплюснутом граненом графине в комплекте с солеными огурчиками. И выпили мы с Костей самогончику, и сказал Костя, похрустывая огурчиком, что это не хуже «Джонни Уокера». А чуть позже, танцуя, выясняли мы вопрос: что это, танец такой покачивающийся или напитки, нами употребленные, – покачивающиеся... И нам было хорошо, и всем вокруг было очень мило. Приятно вспомнить.

Может, вы уже считаете меня алкоголичкой? Ошибаетесь, уверяю. В тот вечер я была не у дел и при деньгах, Константин – вообще свободный человек, и мы отдыхали. Я сбрасывала стресс, Константин получал встряс. Вот и расслаблялись, никому не мешая. А тут – на тебе, самогон! Экзотика!

И вокруг там было очень живописно. Музыканты то и дело с воодушевлением отрывали «Пару гнедых» в ритме доброго рок-н-ролла; на танцплощадке в паузах неизменно оставалась одна и та же пара, и он, присев на корточки и оперевшись для верности руками в пол, громко

целовал ей колени; когда начиналась музыка, они уходили выпить и попевали назад только к концу танца, так что им никто не мешал; а за соседним столиком старичок с плоской лысиной и в великолепном смокинге осторожно катал ладонью по скатерти зеленый горошек, и мы с Костей пришли к выводу, что это он его так вытирает и что желудок старичка не переваривает майонез.

Словом, все было здорово настолько, что осталось здорово даже после того, как возле нас возник из небытия и забвения добрый молодец с приклеенной к лицу очень вежливой полуулыбкой. Он подал мне коротенькую записочку, что-то вроде: «Элла Владимировна Шубарова, владелица заведения, где Вы сейчас отдыхаете, просит у Татьяны Александровны Ивановой встречи в удобное для нее время для консультации по конфиденциальному вопросу».

Пока Костя дочитывал записочку, я уже успела согласиться. А что? Я была не у дел. Деньги, правда, еще оставались.

– Хорошо, завтра в двенадцать, – сказала я, – нет, пожалуй, в три.

Этот, что записку принес, кладет передо мной бумажный прямоугольник с золотыми завитками – визитка Эллы Владимировны.

– Где состоится встреча, позвольте узнать?

Я внимательно смотрю на его портрет и медленно объясняю:

– В кабинете Эллы Владимировны.

Вечер мы продолжили и закончили в том же ключе, а на следующий день я сидела дома, пила кофе и мне очень не хотелось ехать на встречу с Эллой Владимировной Шубаровой ни к двенадцати, ни к трем. К трем, правда, я была чуть бодрее. Но слово было сказано, и ехать мне пришлось.

Элла Владимировна оказалась женщиной лет пятидесяти – пятидесяти пяти, небольшого роста, с несколько полноватой, но хорошо сохранившейся фигурой. Почему-то ей нравились раскосые глаза, на мой взгляд, напрасно, при ее русском иконописном лице. А вот голос был с «трещинкой» и немного грубоват, как это бывает у курящих, хотя с сигаретой я ее так никогда и не увидела.

Маячивший в ресторанных дверях швейцар, которому впору было бы работать молотобойцем, проводил меня к ней, после того как я вручила ему хозяйскую визитку.

Шубарова сразу отослала этого коня, и хорошо сделала, мне при нем было неуютно.

– Баночку «Туборга»? – любезно проворковала хозяйюшка. Видно, была в курсе нашего с Костей вчерашнего расслабления.

– Спасибо, лучше чашку кофе.

Кофе быстро принесли.

– Танечка! Можно я так буду вас называть?

Я приподняла брови, любезно соглашаясь.

– Наслышана о вас и уверена – никто нам больше не поможет. Мы в отчаянном положении. А в милицию просто боимся обращаться, тем более что мы и так уже у них на виду. Вчера, приметив вас в зале, я подумала, что это дело рук провидения, и не удержалась от немедленного обращения к вам с просьбой о встрече. Как у вас со временем, Танечка?

Вот новости, значит, есть, если я здесь.

– Дело в том, что этого в двух словах не изложишь. – И началось. – Мы с сыном живем вдвоем, неподалеку отсюда, в своем доме. Уверю вас, Станислав прекрасный парень, очень добрый и вежливый. Я бы сказала, даже не от мира сего – сегодняшнего. Слова грубого от него никогда не услышишь.

Элла Владимировна отвернулась, прикусила губу.

– Что с ним случилось? – проговорила я как можно мягче.

– Мы люди небедные. Живем, правда, умеренно. И Станислав воспитан в таком духе – излишеств себе не позволяет ни в чем никогда. И вдруг он меняется.

Недавно мы с ним были в Греции. Стасик очень скучал по дому, дни считал до возвращения. А какой счастливый был, когда мы летели назад! Верите ли, светился весь! А тут вскоре по возвращении начал пить.

Элла Владимировна порывисто поднялась, прошла к окну в малиновых шторах, топнула ногой:

– Подонки!

Пока что мне было интересно наблюдать за ней. Менялась она довольно искусно, но ее игре чего-то недоставало, увлеченности, что ли? Словом, мне казалось, что переживает она не так сильно, как хочет продемонстрировать.

– Какой-то грубый стал, колючий, меня избегает. Я – к нему, он – от меня. Смотрит мимо. А когда его пьяным привезли, он ведь сам идти не мог, я поняла – дело нешуточное, медлить больше нельзя.

Пока мы были в Греции, здесь ограбили наш дом. Поначалу я думала, что он из-за этого переживает. Он так любил отца. От мужа осталась коллекция старинного оружия – унесли самое ценное. Стас воспринял это как надругательство над памятью. Мои побрякушки тоже пропали, но я вполтину так не огорчилась. Хотя стоят они солидно. Там тоже было кое-что антикварное. С ним была истерика, – продолжала Элла Владимировна, – он сорвался по-настоящему впервые в жизни. Но я проявила твердость! И сын рассказал мне все. Подонки!

Элла Владимировна саданула кулаком по столу, и моя чашка с недопитым кофе покати-лась по полу.

– Стас рассказал мне, что какие-то негодяи имеют наглость ему угрожать! Если напрямую, Танечка, – мадам, сжав мою руку, проникновенно сверлила меня взглядом, – кое-какими возможностями я располагаю, ну, вы понимаете, да? И защититься от всякой шпаны способна сама.

Я вспомнила «коня» у входных дверей. Да уж!

– Но Стас меня убедил, и я верю ему, что обычные методы здесь неприменимы. На него клеветают. Его шантажируют. Я не знаю, что это за клевета, на этот вопрос он категорически отказался отвечать, но я знаю, чем ему угрожают. Вы – специалист, вы найдете способ выдобрить из него эту информацию.

Интересное дело, она говорит так, будто мы уже достигли договоренности. И сразу – доить Стасика. Бр-р, как это?

– Эти ублюдки уверяют, что способны нанять и свидетелей, и соучастников и подтасовать факты так, что самая гнусная их ложь будет выглядеть чистой правдой.

– Как я понимаю, Станислава хотят оклеветать, поставив ему в вину совершение какого-то преступления?

– Это гнусно, гнусно! Стаса, вы подумайте только!

– Но это не так просто сделать.

– Эх, Танечка, мы с вами современные люди и знаем, что в наше время деньги решают все. А располагая средствами от реализации того, что они вынесли из нашего дома... – Шубарова развела руками.

– Ну, это еще надо реализовать.

– Нет, нет, нет, необязательно! Можно заложить под «черный нал». Это несложно. Сумма, конечно, будет меньше, чем от продажи, но и ее для такого дела хватит вполне.

– Хорошо! – бодро воскликнула я. – Что же конкретно грозит вашему сыну, запусти эта публика свой механизм в действие?

– Говорю только с его слов, – мадам в подтверждение собственной искренности закрыла глаза, – как минимум опорочить его честное имя, а это уже очень много, ведь мы – бизнесмены, для нас репутация – это все. А как максимум, – она вдруг перекосила рот и всхлипнула, – скамья подсудимых!

Вот так у нас в России: от Греции до Воркуты – рукой подать.

Чтобы переключить Эллу Владимировну со всхлипываний на что-нибудь более полезное, я попросила еще чашечку кофе.

– Две чашки кофе! – гаркнула она, приоткрыв дверь, и за стеной что-то бухнуло, зазвенело, взвизгнуло и заурчало. Музыканты пришли, настраиваются.

Кофе принесла молоденькая официантка в маленьком колпачке на взбитых волосах и таком же маленьком передничке поверх капроновых колготок. Что-то вчера такой униформы я не замечала. Да и вообще вчера было гораздо уютней. Старичок в смокинге горошек ел прямо со скатерти...

Опять бухнуло, и ностальгией по вчерашнему вечеру прозвучали несколько аккордов из «Пары гнедых».

– Милочка, – окликнула Элла Владимировна официантку, уже взявшуюся за дверную ручку, – скажи там, чтобы прекратили пока.

Вчерашний день канул в Лету. День сегодняшний грел душу очередной чашкой кофе и наполнял уши голосом мадам Шубаровой, о существовании которой день вчерашний и не подозревал.

– Подонки! – снова вознегодовала Элла Владимировна, шумно отхлебнула кофе и опустила занавес:

– Так что, Танечка, на вас вся надежда.

Я задумчиво покачивала в руках чашку.

– Но ведь это два совершенно разных дела – ограбление вашего дома и шантаж вашего сына.

– Да Бог с ним, с ограблением. Наживем. Я прошу оградить от клеветы Станислава. Тем более что ограблением занимается милиция.

– Станислав вам сказал, какую сумму требуют вымогатели?

– Да, это – да! Пятьдесят тысяч долларов.

Я быстренько прикидываю – это около трехсот миллионов деревянных. Триста тысяч новыми. Солидно!

– Предположим, я нашла бы эту сумму, а где гарантия, что, получив ее, они не потребуют еще? Что же мне, ресторан продавать, из дела выходить и жить с одних баров, что ли?

– Элла Владимировна, – опускаю занавес и я, – прежде чем дать ответ, мне нужно подумать.

– Конечно, конечно, Танечка! – К мадам вернулся весь светский лоск, на который она была способна. – А в случае согласия?

– Условия обговорим, – улыбаюсь я не менее куртуазно.

– Запомните, Татьяна, – говорит она мне напоследок. – Я лучше заплачу вам, чем этим ублюдкам.

«Триста тысяч? – спрашиваю я про себя. – Мне это нравится!» – И мы наконец расстаемся.

Когда я пересекала небольшое фойе, за спиной грянули «Пару гнедых» в рок-н-рольном варианте, а «конь» предупредительно открыл передо мной дверь.

«Дело как дело, ничего выдающегося», – думала я, вырывая на своей «девятке» со стоянки перед рестораном. Признаться, Элла Владимировна меня утомила. Если я все-таки решу взяться за ее дело, она станет для меня клиентом, а клиент в частнодетективной практике существо особое. Он источник и информации, и беспокойства, и, наконец, денег. Предполагается, что клиент должен помогать распутывать и приводить в порядок его же дела. Если исходить из первого впечатления, от Шубаровой я жду больше беспокойства, чем помощи. Словом, в своем согласии братья за дело Шубаровых я пока сомневалась. Что-то мне в нем не нравилось. Что?

Оглядывая это «что» с разных позиций, я повернула на улицу с оживленным движением и влилась в плотный поток машин.

Что-то же не дает мне покоя? Давай, дорогая, думай! Шубаровых грабят в их отсутствие. Раз. Станислав воспринимает это как оскорбление памяти покойного отца. Два. «Наезжают» на него, требуя деньги. Три.

Станислав по каким-то серьезным соображениям не желает распространяться о сути дела, твердит только о последствиях. Четыре.

Вот оно! Одно из двух – или суть такова, что матери о ней не расскажешь, тогда это разгрязная грязь. Тут можно напридумывать много. Или у него действительно рыльце в пуху, а перед матушкой стыдно. Тогда единственный выход – представить все клеветой.

Если мы действительно имеем дело с клеветой, то я не нахожу причин, по которым Шубарову нельзя было бы исповедаться передо мной. Моя профессия, как и профессия священнослужителя, предполагает сохранение тайны исповеди.

Если же Шубаров в самом деле нахреновничал так, что может сесть и ему угрожают разоблачением его делишек, то он будет молчать. Тогда, разобравшись во всем и исполняя обязанности, возложенные на меня мадам Шубаровой, я буду вынуждена защищать от шантажа негодяя. Вот почему мне не нравится это дело! Тут можно влезть в такое болото, что потом расхлебать его будет непросто. Отказаться? Деньги пока есть. А если Шубаров-сын ангельски чист, и не дай Бог с ним что-нибудь случится, как я буду выглядеть, отказавшись? Да меня совесть сгложет, а мадам Шубарова сгложет мою репутацию, раструбив по всему Тарасову о том, как Татьяна Иванова отказала в помощи утопающим. И придется тогда краснеть и беднеть. Думай, Танечка, ду-май!

Помнится, жил в прошлом некий Буридан, и был у него осел. И поставил Буридан осла между двух охапок травы, точно посередине. Бедный осел постоял-постоял да и сдох от нервов – не мог решить, к какой из равноудаленных от него охапок двинуть. Сволочь был этот Буридан!

Но я-то не ослица. Я хочу жить!

Я извлекла из сумочки заветный мешочек из мягкой замши, осторожно выкатила из него на ладонь три двенадцатигранных кости. Теперь шутки в сторону, к гаданию я отношусь серьезно. Кости не раз помогали мне принимать решения, подавая мудрые, хотя и не всегда понятные советы.

Итак! – встряхнула их, глянула – кости лежали вверх цифрами: 10+20+27. Значение? Дай Бог памяти. Вот: «Близится опасная пора – Вас ожидают трудности и окружают враги». Еще раз!

4+36+17: «Несмотря на трудности, дела пойдут как надо».

Ну и еще, как положено.

4+18+27: «Тайное всегда становится явным».

Просто нет слов!

Я поймала свое отражение в зеркальце заднего вида. Слегка искаженное кривизной стекла, оно выглядело все же очень недурно.

«Ну что, подружка, займемся?» – спросила я, подмигивая зеркальцу.

«А мы уже занялись!» – ответило, подмигнув в ответ, отражение.

О'кей!

Глава 2

Итак, решение принято, колебания отброшены, сразу стало просто и легко, и нужно приниматься за работу. Время, правда, уже сугубо вечернее, но вечер, если человек полон энергии и имеет желание действовать, ничем не хуже любого другого времени суток.

Фонари светили мне сквозь окостеневшие от вечернего морозца ветки деревьев, и их света было вполне достаточно, чтобы разобрать номер домашнего телефона на визитной карточке Эллы Владимировны. Диск автомата вращался нехотя, приходилось помогать ему – подталкивать пальцем. Мне ответил приятный мужской голос:

– Аллю!

– Это Станислав Шубаров?

– Нет. Но он дома. Сейчас я его приглашу.

– Секунду! Мне нужна Элла Владимировна.

– Она будет позже. Так позвать Станислава?

– М-м, пожалуй.

После серии шорохов и щелчков в трубке раздался сочный, жизнерадостный басок:

– Здравствуйте, Стас у аппарата. Я вас знаю?

– Наверное, нет. Я Татьяна Иванова.

– Очень приятно, Татьяна, Станислав Шубаров. Вам нужна мама? Она будет в течение получаса. Что-нибудь ей передать?

– Нет, спасибо. Мне нужно побеседовать с нею лично.

– Ну так приезжайте.

– Удобно ли? Вечер. А я по делу.

– Мама будет рада вас видеть?

– Во всяком случае, не будет огорчена.

– Тогда приезжайте непременно. Делами она занимается допоздна.

– Объясните, как вас найти.

– Не знаете? Вокзальная, пять. Возле парка и больничного городка. Сориентировались?

– Вполне. Если Элла Владимировна появится раньше меня, прошу назвать ей мою фамилию.

– Согласен. Всего доброго.

Трубку повесили.

Так. Опять все дороги ведут в парк.

Я специально построила разговор в нейтральном, этаком безличном ключе. Насколько я знаю мужчин, в подобных случаях они склонны представлять образ дамы, соответствующий своим пристрастиям. При встрече останется только уловить то, что он там себе навоображал, и постараться если не превзойти, то хотя бы соответствовать его фантазиям. Если это проделать достаточно тонко, считайте, что мужская симпатия у вас в кармане.

А Станислава мне придется склонять к сотрудничеству, так что сами понимаете...

Я ехала и развлекалась мыслями о нелегком хлебе частного сыщика.

Прибыли. Вот Вокзальная, пять. Да, это дом! Если не грабить такие дома, то я не знаю, какие и грабить. Два этажа, это, конечно, не предел в наше время, но раскосые стены, стрельчатые окна, шпили, башенки, прочие архитектурные приамбасы, плюс разноцветный кирпич, плюс наружная подсветка стен неведомо где упрятанными фонарями. И окружено все это великолепие кирпичной стеной фигурной кладки.

Думаю, ворот мне здесь не откроют. А вот и ворота. Чугунные кружева. По бокам – два фонаря пирамидками, под старину. Калиточка под аркой.

Как там Остап Бендер насчет Воробьянинова высказался: «Предводитель дворянства жил в пошлой роскоши».

Это я про тебя, Стасик.

Отворилась калиточка, вышел из нее мужичок в неновом пуховике, с непокрытой головой. Посмотрел, как я вожусь, запирая машину, не торопясь пошел вдоль улицы во тьму.

Давлю на кнопку звонка, калитка отворяется еще раз, и глазам моим предстает старушечье личико, все в глубоких морщинах.

– Татьяна Иванова? Предупреждали. Входи.

Бабуленька. Шаркает впереди меня по асфальту ко входным, наполовину стеклянным, надо же, дверям. Не удержалась, стукнула костяшками по стекляшкам – беззвучно! А стекла-то пуленепробиваемые и сами двери стальные. Вот тебе и «надо же»!

– Хозяйка там.

Бабуленька ткнула рукой в сторону кипенно-белой двери под широкой лестницей светлого дерева.

Я уже настроилась на чудеса роскоши, но вместо палат княжеских оказалась в комнате с подвесным потолком, белыми стенами и почти офисной мебелью.

– Та-нечка! Входите, входите!

Элла Владимировна. В точности та же, что в своей ресторанной берлоге.

– Как я рада!

О, сколько радости. Давно не виделись.

– Я не поздно?

– Ну что вы!

– Давайте сразу уточним все детали. Между нами не должно быть никаких неясностей.

Как меняется эта женщина! Лучающаяся теплом и гостеприимством хозяйка за секунду превратилась в собранную и целеустремленную бизнесменшу. Я с удивлением замечаю, что невольно подыгрываю ей. Однако ее расположение мне бесполезно, поэтому я заговорила с суховатой прохладностью и четкой краткостью, в строгом, как мне кажется, соответствии с ее сиюминутной ролью.

– Нам необходимо внести ясность по трем пунктам. Первое, почему вы решили обратиться именно ко мне и как узнали меня среди вчерашних посетителей вашего ресторана. Ведь, если мне не изменяет память, мы до сегодняшнего дня знакомы не были.

– Это несложно. – Шубарова сдержанно улыбнулась. – Вам ничего не напоминает такое название – «Нарцисс»?

Наповал! Она меня сразила! Мне даже показалось, что я на мгновение потеряла контроль над собой. Во всяком случае, в глазах Шубаровой промелькнуло торжество.

«Нарцисс». Несколько месяцев назад, летом, я там была рожи трем хамам, и во время этой драки погибла моя знакомая. А бармена звали Ашот. Ашот Мамедов. Все, вспомнила!

Убийство проститутки для... рекламы фирмы. Фирма называлась «Сирена». Расследуя это дело, я крепко наступила на мозоль милиции. Да, дело о рекламной паузе. Так я его называла для себя.

– Я вижу, вы вспомнили. Владелец «Нарцисса» – мой хороший знакомый. Да мы все, пишевики, знаем друг друга. Бизнес-то один. Так вот, в этом баре вы ловко отбрили одного, извините, мента. Старшего лейтенанта.

Я, не мигая, смотрела на Шубарову безмятежным, но неподвижным взглядом. Эти пишевики знают друг друга и вообще много знают. А того мента я не отбрила, а только кое-куда послала, разница есть. Сразу после драки и убийства моей знакомой. И так послала, что пошел он по этому адресу, не возражая.

– На владельца «Нарцисса», – продолжала Элла Владимировна, – это происшествие и ваши действия произвели такое впечатление, что он заинтересовался вами и вскоре установил

через знакомых, что у нас в Тарасове по частному розыску Татьяне Ивановой равных нет. А дальше, Танечка, все по поговорке – «Худая слава камнем лежит, а добрая – впереди бежит».

Шубарова развела руками и рассмеялась.

Что ж, все понятно. Хотя поговорку она переврала.

– Я ответила вам?

Ответила она. Ответила и даже огорчила. Излишняя известность может осложнить мне жизнь.

– Хорошо. Второе. Предположим, по третьему пункту мы договорились, и я взялась за ваши дела. В этом случае я просила бы не вмешиваться в мои действия и не пытаться их контролировать.

Я остановила ее протестующий жест.

– Прошу помнить, что даже лишний контакт со мной может, при определенных обстоятельствах, повредить ходу дела.

– Глупо вмешиваться в то, о чем не имеешь представления, – ответила Шубарова. Что ж, здравая точка зрения.

– Третье. Сумма гонорара.

– Пятьдесят тысяч долларов или триста тысяч в новых деньгах. Сумма, названная шантажистами.

Я невольно улыбнулась и присовокупила:

– И Станислав остается на свободе, в добром здравии и с чистой репутацией. Чем тогда я отличаюсь от шантажистов?

– Тем, что у нас будет абсолютная уверенность в выполнении этих условий и в отсутствии повторных «наездов».

Этот ответ меня удовлетворил, и я согласилась на пятьдесят кусков «зеленью», оговорив, правда, что эта сумма – расчетная, и накладные расходы в нее входить не будут. Мадам, видимо, не ожидала от меня такой хватки и проводила слегка удивленным взглядом поверх любезной улыбки.

Теперь еще Стас. Куй железо, Танечка.

Возле лестницы, у самой двери, зеркало во весь мой рост. Я остановилась напротив, вгляделась и, «отпустив» мысли восвояси, подняла в себе образ волчицы. Зрачки едва заметно, но сразу же замерцали оранжевым, недобрый пламенем.

Все в порядке. Есть еще порох в пороховницах.

Будь здорова, Ведьма!

Отражение улыбнулось в ответ, и я неторопливо затопала вверх по ступеням.

Станислав встретил меня в уютном холле с большим, темным сейчас, окном на потолке.

– Вот теперь я вас знаю, Татьяна Иванова! – проговорил он вместо приветствия. – Расспросил матушку.

Шатен с большими, влажно блестящими глазами. Возраст двадцать два – двадцать пять, не больше.

– Никогда не встречался с настоящим частным сыщиком. Да еще дамой.

– Детективчики почитываете? – подхватила я в тон.

– Балуюсь на досуге.

Глаза его обежали меня всю – сверху вниз и снизу вверх, и я видела, что произвожу впечатление. Не скажу, что это было мне неприятно. Высокий, правильные черты лица. Тело, правда, несколько рыхловато, но в целом – породистый, хорошо ухоженный экземпляр. Имеет смысл проверить, поддается ли он внушению. Должен, если не будет этого ожидать заранее. Со слов Шубаровой, он скрытен. Попробую внушением повисить его уровень контактности, облегчу себе существование.

Он предложил мне сигарету и после моего отказа бросил пачку на широкий, низкий подоконник. От выпивки я тоже отказалась.

– Как насчет нескольких вопросов? – осведомилась я.

– Ясно, – он медленно кивнул, – дружеская беседа вас не устраивает, и вы переходите к делу.

– Время позднее, – ответила я любезно.

– Тогда, может быть, перенесем встречу на более удобное для вас время?

Я ясно почувствовала, как во мне насторожила уши волчица.

– Вы так торопитесь расстаться?

Я произнесла это низким, грудным голосом.

– Нет! Что вы!

Ответ растерянный. Явно не ожидал от меня такого. Момент – и он восстановится.

– Вам нужна только дружеская беседа?

Я легко коснулась его руки, поймала глазами взгляд и больше не отпускала.

– Нет, – с расстановкой и невыразительно, – вовсе нет.

– Согласитесь, что и недружеские беседы могут быть очень полезными.

– Соглашаюсь.

Он начинает производить впечатление задумавшегося и отвечающего почти автоматически. Может, хватит? Не переборщить бы, наживу врага. Глаза в глаза – уже хорошо для первого раза. Взяла его ладонь в свою и тихим голосом медленно произнесла:

– Недружеские беседы могут быть еще и успокаивающими, обволакивающими покоем и тишиной. Не так ли?

Он почти прошептал:

– Да.

У него начали дрожать веки, взгляд заметно отупел. Начиналось расслабление.

Волчица, поскуливая, просилась наружу. Да, сейчас самое время перейти к шоковому воздействию. Сопротивляться он не способен. Даст ответ на любой вопрос. Но только сейчас. Этот мой «наезд» оказался для него неожиданным и потому успешным. Примени я сейчас шок, в следующий раз он будет настороже. А настоящие вопросы к нему у меня еще не созрели.

– Недружеские беседы могут приносить удовольствие, оставляя после себя желание повторить их. Правда?

Он прикрыл глаза, кивнул.

– Смотри мне в глаза, Станислав!

Он подчинился, и я осуществила волевой посыл – максимально сосредоточившись, мысленно связала его, мужчину, и себя, женщину, в единое целое и по этому единству, как по каналу, направила к нему теплую волну доброжелательности.

– В дальнейшем мы будем рады беседовать друг с другом. Мы хорошие люди. Мы рады нашему знакомству. Мы рады друг другу. Мы рады, но сегодня устали. Мы сегодня пораньше ляжем спать. Мы ляжем спать и будем видеть приятные сны. Мы будем видеть сны друг о друге. Мы друг другу приятны. Нам приятно будет увидеться вновь.

Голова его покачивалась, мышцы лица расслабились настолько, что слегка приоткрылся рот. Я осторожно отпустила его руку, едва заметно отодвинулась. Этот неожиданный сеанс – первый мой успех в деле Шубаровых.

– Станислав! – пропела я как можно музыкальнее. – Станисла-ав!

Он встрепенулся, огляделся.

– Что? Что случилось?

– Вы задумались, Станислав! – И, тихо рассмеявшись, я поднялась с места.

– Мне пора.

– Но мы же ни о чем не поговорили!

– Зато как приятно провели время.

– Приятно!

Он был заметно утомлен, но нашел силы проводить меня до лестницы.

– Вы удивительное создание, Татьяна Иванова!

Я попрощалась с ним улыбкой.

Внизу мне попалась на глаза женщина, которая впустила меня в дом. Судя по всему, она слышала последние слова Станислава и взглянула на меня с интересом.

– Вы работаете здесь?

– Да, – она тряхнула тряпкой, – прихожу четыре раза в неделю. Убираюсь, немного готовлю.

– Я – Татьяна.

– Варвара, – ответила она дружелюбно.

– Очень приятно. Скажите, Варвара, а кто тот мужчина, который вышел из калитки, перед тем как вы меня впустили?

– Это Володенька Коврин. Вообще-то он в больнице работает, электриком. А здесь подрабатывает.

– Спасибо, Варвара. Закройте за мной.

– До свидания.

Усевшись в машину, я не торопилась запускать мотор – оценивала впечатление от своих действий. Впечатление было неплохим. Единственный минус я поставила себе за излишнюю осторожность. Однако перегнуть палку с самого начала – значит усложнить дальнейшую жизнь.

Уже включив передачу, я оглянулась – в окне второго этажа Станислав, явно интересующийся моей машиной. У уха – короткая антенна сотового телефона. В сердцах надавила на педаль газа – взвизгнули покрышки, машина рванула с места.

Прошипев сквозь зубы несколько слов из тех, что неупотребимы в приличном обществе, я взяла себя в руки. Испытанного мной минуту назад удовлетворения как не бывало, Станислав Шубаров только что сообщил кому-то по телефону номер моей машины.

Это был факт. Он подлежал осмыслению. Это было хорошо. Плохо было то, что, направляясь сюда, я не догадалась поменять номера на фальшивые.

Следуя золотому правилу не грызть себя долго за промахи, я постепенно успокаивалась и мчалась на едином дыхании от светофора до светофора. Одна из основных городских транспортных магистралей, забитая днем до предела, радовала сейчас простором и скоростью.

В самом деле, мы участвуем в событиях, события участвуют в нас, все идет своим чередом. Шубаров сообщил кому-то мой номер? Посмотрим, что за этим последует.

Вот и центр. До дома – рукой подать. Повинуясь внезапному побуждению, я свернула на Дзержинскую. Знаем мы эти побуждения. Это язык, на котором общается с нами наша интуиция. А моя ничего плохого мне не посоветует.

Перекресток. За ним – серая громада «серого дома». Здание областного УВД. Интересно, подполковник Кириянов еще здесь или уже ушел? Здесь. Вон окно его светится. Засиделся. Друг сердешный, сколько же мы с ним не виделись? А и встречались последний раз тоже по делу.

Из высоких дверей, один за другим, вышли несколько человек. Постояли, прикурили и, поправив фуражки, направились по тротуару к служебной автостоянке.

А вот, похоже, и Кириянов пожаловал. Сейчас я его, безлошадного, как генерала...

Удивился Кирия, опешил даже, когда подшелестела к нему моя «девятка» и сама собой открылась дверца: «Машина у подъезда!», шагнул от удивления назад, но, рассмотрев меня в темноте салона, расцвел широкой улыбкой:

– Ха! Танюха!

Садясь, зацепился фуражкой, еле успел подхватить.

Я была ему рада. Он мне – тоже. Это нечасто случается в наше время, чтобы люди действительно радовались друг другу.

Офицеры на автостоянке смотрели нам вслед.

– Каким ветром тебя сюда, Танюха?

– Осень на дворе, Володенька, осенним, значит. Ехала мимо, в окне твоём – свет. Дай, думаю, сделаю доброе дело, отвезу домой старого друга и себя ублажу – повидать тебя, побеседую.

Смеется Володя. Поблескивают звезды на его погонах. Подполковник! Никак не привыкну. Дело! Ну да и я не баклуши бью, не хлебом единым сыта.

– Как с наркотой-то твоей, дружище?

– Прет с югов, зараза эдакая! Осень, сезон, сама понимаешь.

– Выходит, без дела не сидишь?

– Что ты! А ты-то как?

– Тоже не без дела.

– Танюха, Танюха! – Он накрыл своей мою руку на рулевом колесе – теплая его ладонь, большая. – Переходила бы ты, Танюха, в нашу уголовку. Хочешь, сразу старшим инспектором устрою? Место как раз освободилось.

Я смеюсь, головой мотаю.

– Боюсь, не справлюсь, Володенька, сразу старшим-то.

– Брось! Из тебя такой опер выйдет!

Смотрю на него, улыбаюсь, благо – перекресток и красный свет. Молчу.

– Эх! – тряхнул головой Володенька. – Кошка ты, которая гуляет сама по себе.

– Вот именно, – соглашаюсь я. – Главное, чтобы интересно было гулять.

Вот так и болтали мы ни о чем, пока не доехали до его дома. Могли и еще поговорить, но подполковнику надо было скорей к своим сорванцам и жене в халате. А то уложит она детишек без него, и не повидается сегодня с ними подполковник.

Поэтому я не стала тянуть.

– Вов, помоги.

– Тань, конечно. Выкладывай!

– В вашей уголовке крутят дело об ограблении дома Шубаровых, Вокзальная, пять. Ущерб там, похоже, «в особо крупных размерах», так что должно у ваших быть, не в районе.

– Сделаем!

* * *

Машину к своему дому я не погнала, а оставила на автостоянке неподалеку. Дошла пешком. По дороге думала о волчице. Что-то она последнее время своевольничать стала. Мало собой занимаюсь. Дала себе слово сегодня, несмотря на усталость, «поведьмачить» как следует.

Многие из тех, с кем нехорошо сталкивала меня судьба, знают мое прозвище. Но лишь некоторые из них испытали на собственной шкуре, что значит Ведьма. Думаю, им лучше было бы попасть под кулак накачанного мордovorота. Удары по сознанию болезненнее ударов по организму. Вторые не всегда увечат тело. Первые, как правило, корежат психику.

Занялась я этим давно. Еще в студенческую пору. Повальное увлечение гороскопами, хиромантией, биоэнергетикой зацепило своим крылом и меня. Мало кто в этом разбирался, но мало кто не пытался медитировать на досуге. Я же взяла на себя труд прочесть несколько книг по теме. По чистой случайности книги попались толковые. Это было почти чудом, если принять во внимание горы оккультной макулатуры, окружающие нас со всех сторон. Короче, увлечение со временем потеряло свою остроту, но полезные знания и навыки остались.

Вот и дом. У подъезда, на лавочке, двое парней с обтянутыми кожаными «убором» крутыми плечами. Услышав мои шаги, подобрали ноги, оглянулись в мою сторону. Нездешние. Я их не знаю. Стараясь не выходить на свет, я свернула в глубь двора, к детской площадке, опустила на скрипнувшие качели прямо напротив них. Если шпана нездешняя, то, скорее всего, сейчас встанут и подойдут в поисках приключения. Я им его гарантирую. А если нет? Похоже – нет. Потому что один из них привстал было, но второй придержал его за полу куртки, и тот опустился на место. Сидят, покуривают, поплеывают. Интерес ко мне теряют. Теперь в мою сторону поглядывают лишь изредка.

Вперед!

Я испуганной лебедушкой процокала мимо них, скрылась в подъезде. Ничего!

«Из ничего и будет ничего», – Шекспир сказал. Глубокая мысль. А если не «ничего»? И этот вариант имеет право на существование.

Стас, конечно, мог звонить, скажем, подружке и кривляться при этом перед окном, любуясь природой, а мог и сообщать в экстренном порядке кому-то номер моей машины.

Эти двое могут поджидать приятеля, зашедшего к знакомому взять на просмотр кассету с фильмом, а могут дожидаться Татьяну Иванову, чтобы удостовериться, что живет она именно здесь.

Поднявшись к себе на шестой этаж, я погнала лифт обратно и с деловым видом вышла из подъезда.

Лавочка была пуста.

Это, конечно, тоже не аргумент, но уже ближе. Тот или те, кому звонил Шубаров, сейчас получают сообщение, что Татьяна Иванова действительно живет по указанному адресу.

Вопрос первостепенный на текущий момент: кому звонил Станислав?

Вопрос второстепенный: что связывает с ним Станислава?

Вывод: интересуется мной достаточно способная личность или группа, выход на которую возможен пока только через Шубарова.

Мафия? Может быть.

Запишем это на извилинах и не будем ломать голову над вопросами без ответов. Как я уже говорила, мы участвуем в событиях, события участвуют в нас, пусть все идет своим чередом.

Я почти успокоилась, но дверь квартиры запирала, как дверь сейфа – со всем тщанием.

Хочу заметить, что многим моим подзащитным и противникам невдомек, что Татьяна Иванова не только суперменша, вернее, супервуменша, с ногами, растущими от плеч, и не носящая шпильки из опасения совершить убийство в рукопашной, что Татьяна Иванова – человек, как и все остальные, довольно часто испытывающий чувство страха. Особенно перед неизвестным.

Уже раздевшись и пустив воду в ванну, я услышала звонок телефона. Пришлось трясти грудями через всю квартиру. Но это дало мне время приготовиться. Услышав в трубке после своего «Алло!» упорное молчание, я понесла такую ахинею, на какую только была способна в данный момент.

«Коленька! – взвыла я плаксиво. – Коленька, милый, не молчи опять, Коленька, прости меня дуру, прости, ведь я не хотела, Коленька, я люблю тебя!»

Молчание в трубке я определила теперь как озадаченно-заинтересованное и сменила направление:

«Колька, молчишь, гад! Ведь и ты, стервец, виноват в том, что произошло, не меньше моего! Еще и обижаться смеешь, рожу делать! Сволочь ты, Коля!»

И бросила трубку, давась от смеха.

Уже через минуту погрузила ноющее от усталости тело в теплую воду, зарылась до подбородка в пахнущую Францией пену и едва успела подумать перед тем, как мне стало совсем

хорошо, что вела я себя правильно и что ни те, у подъезда, ни тот, что звонил сейчас, не могли заметить моей настороженности.

Один-один, господа, ничья-с! Очко я вам проиграла, не сменив номера машины, но и отыгралась тут же, оставив вас в глупой безмятежности.

И почти сразу поплыла по волнам сладкой дремы под тихое мурлыканье магнитофона.

Глава 3

Утро встретилось со мной среди вороха душистых простыней на широкой кровати.

«Челаэк! – проурчала я, сладко потягиваясь. – Кофию в постель!»

Солнце играло со шторами в переливе света и цвета.

Сейчас войдет «челаэк», неся на подносе чашку дымящегося кофе. А я, Бог мой, в полном неглиже! Ну, думаю, он меня прости-и-ит! И не осудит. Вспомнила, как вчера изо всех сил скулила и рывкала по телефону, стало смешно. Прделано было талантливо. Мой слушатель должен был мне аплодировать. А если бы он меня при этом еще и видел!

Ну где же «челаэк», где кофе?

Перевернувшись на живот и уперев подбородок в ладони, я сонно уставилась на дверь.

Не идет. Ну и пусть. Да и кофе-то у него растворимый, а настоящего он отродясь не умел готовить.

«Стремительная, как сорвавшаяся с защелки пружина, Татьяна взметнулась над ночным ложем и, едва ноги ее коснулись ковра, нанесла серию мгновенных и сокрушительных ударов воображаемому противнику».

Красиво!

Я лениво поднялась и прошлепала на кухню, глянув по дороге в зеркало. Нерасчесанные после вчерашней ванны волосы стояли дыбом.

Вот уже закипает вода, на блюдце – горка свежемолотого кофе, как вдруг заверещал телефон.

Не подойду! Еще раз! Как вы назойливы! Еще!

– Аллю!

– Татьяна, здравствуйте, это Станислав. Узнали?

– Я вас приветствую.

– Что подельваете?

– Считаю сушеных мух.

– Что-что?

– Мух сушеных считаю. Мне нужно ровно пятьдесят штук.

– Танечка, вы мне снились всю ночь, прямо наваждение какое-то!

– А у меня двух не хватает.

– Чего не хватает?

– Мух.

– Каких мух?

– Сушеных!

– Ничего не понимаю! Зачем вам они?

– Для кофе. Сейчас в моде кофе по-африкански, с толчеными мухами, а у меня двух не хватает.

– А если без них?

– Без них ничего не выйдет – вкус не тот.

– Хорошо, куда мне их привезти?

– Кого?

– Мух.

– Каких?

– Сушеных.

– Зачем?

– Для кофе.

Бр-р, какую чушь он порет!

- Станислав, вам что, делать нечего?
- Нечего! Тем более что вы мне снились всю ночь.
- И что дальше?
- Я тоже хочу кофе. Давайте попьем его вместе.
- А что, это идея. Где?
- В «Вене», на проспекте.
- Идет, через час-полтора.
- Отлично.
- Фу-у! Отбой.

Дежурный макияж. Кофе, чтоб ему! Джинсово-кожаная униформа. На работу пора. В «Вену». Хорошо хоть работаю сегодня недалеко от дома. Что-то терминология у меня пошла, как у «девочки по вызову». Дожили! Времени – хоть отбавляй, пойдем пешком.

Все изменилось, стоило мне взяться за ручку двери. Будто выключили свет – кончилось мое безмятежное существование.

Едва я управилась с последним замком, дверь распахнулась сама собой, чуть не треснув меня по лбу. В проем влезла бритоголовая рожа с квадратным торсом и двинулась ко мне. За этим маячил еще один, аналогичный. В габариты двери одновременно они не вписывались, и это было хорошо.

Выйти из состояния ступора, в которое меня погрузила внезапность их появления, мне помогли они сами, вернее, передний, прохрипевший что-то вроде:

– Тихо, красавушка, не возникай зря!

Ну, уж тут извините! Не в мой дом лезть с такой рожей и тем более с такими советами.

Я сделала короткий шагок назад, вскинула колено к груди и, резко выдохнув: «Х-ха!» – послала пятку в его солнечное сплетение.

Это его остановило. Он хрюкнул, глаза полезли из орбит. Но на ногах удержался.

Быстро изменив позицию – теперь я была к нему вполборота, – мыском ноги достала его ухо. Равновесие восстановила едва ли не раньше, чем увидела, как его голова мотнулась от удара.

Теперь он решительно осел вниз. Бескровный нокаут. Классика!

Если бы не джинсы, сковывавшие мои движения, последний удар мог бы его всерьез покалечить.

Второй оправился от изумления и решительно вступил в дело. Мозгов у него явно не было и, значит, сомнений – тоже. Он еще подогрел меня, выдавив из себя блевотным голосом: «С-сука!»

Махать ногами мешал лежащий. Но крутиться было можно. Я и крутнулась. На полный оборот и в конце, по всей науке, движением плети бросила вперед руку, ногти скрюченных пальцев «драконьей лапы» воткнулись в кожу лба, а пятка ладони жестко врезалась в его переносицу.

Удар его отшатнул, он шагнул назад, зацепился за порог, но не свалился даже теперь, а замотал головой и, полуослепший, с медвежьим рыком двинулся на меня, согнув ноги в коленях и раскинув в стороны руки. Этих его эволюций было более чем достаточно, чтобы я успела отступить в глубину прихожей. Там я его даже подождала немного, а когда он перешагнул через товарища, двинулась навстречу и подпрыгнула как можно выше. Мои ноги легли ему на плечи. Он был высоковат для этого номера, но, откинувшись назад, я достала-таки руками пол и, резко согнувшись, бросила его вперед головой. При этом могла сломаться шея, но в тесноте он всего лишь тяпнулся теменем о стену и, словно мешок, рухнул на меня. При этом мой нос очутился возле его колен, а его голова упокоилась между моими ногами. Позиция! Прямо Камасутра какая-то!

Я едва выкарабкалась из-под него, такой он оказался тяжелый. Постояла, переводя дух, поправляя одежду и оглядывая поле битвы.

Пора было выволакивать этих головорезов на лестничную клетку, запирает дверь на все засовы и переносит свою жизнедеятельность на конспиративную квартиру, потому что здесь стало слишком беспокойно.

Я сбегала в спальню, побросала в сумочку всю имеющуюся наличность и, с грустью глянув напоследок на ворох душистых простыней, вернулась в прихожую.

Тот, который у порога, тихо постанывал на каждом выдохе, а второй признаков жизни не подавал. Я нагнулась и провела ладонью по ежику волос на его битом темени. Крови не было. И тут откуда-то сзади моей щеки коснулся холодный и острый металл.

– Не делай резких движений, иначе я вспорю тебе щеку, – прозвучало надо мной.

По спине побежали мурашки.

– Медленно разогнись! – услышала я команду.

Медленно выполнила. Он оказался сзади, а нож теперь ласкал мне шею в области сонной артерии.

Драться в таком положении могут только герои боевиков, а я – нет.

– Пошли в комнату.

– Не поцарапай! – попросила я.

Медленно прибыли. Дальше что?

– Мы не враги тебе, зря ты так. Пришли к тебе за помощью, а ты – в морду, не разобравшись! Уймись, сестренка, дай пару слов сказать. Вот, возьми.

Я повернула голову – он протягивал мне нож рукояткой вперед.

– Повесь его себе на хрен, братишка!

С этой публикой надо быть грубой и безжалостной, а то сначала сядут верхом, а потом, глядишь, и лечь захотят.

Черный расстегнутый плащ, темный костюм, белая рубашка, галстук. Сумка через плечо.

– Прошу тебя, успокойся.

Взгляд его был, как бы это сказать, несколько тяжеловат. Да и мой сейчас, думаю, не блистал игривостью. Поиграем в гляделки? Кто кого? Я внутренне подобралась, приготовилась к неожиданностям, а в сознании зафиксировала треугольник: он – я – нож на столе.

Он отвел глаза первым.

– Мир, мир! – плавно провел рукой перед грудью. – Скоря ты на руку, Татьяна Иванова. Не хотели мы так.

Не хотели они. Не выруби я этих амбалов, разговор шел бы сейчас совсем в другом ключе.

– Мы к тебе с просьбой пожаловали. Давай сядем, что ли!

– Все бы так жаловали! Садись.

– О, наконец-то голос подала по-нормальному, уже хорошо. Перестань обижаться. Ребята ошиблись немного в обращении, ты им на их ошибку указала. Расквиталась. А что я нож на тебя поставил, так по-другому с тобой заговорить уже не получилось бы. А поговорить мне с тобой хочется.

Надо его выслушать. Грубить сейчас – значит, нарываться на новые неприятности, а мне они ни к чему. Но я не Стасик, со мной им придется повозиться.

– Вот ты два раза назвал меня по имени, а сам не представился. – Я полностью справилась с собой и говорила вполне любезно. – Это невежливо.

На вид ему лет сорок с небольшим, в волосах кое-где седина, лицо не кабинетного работника, но к галстуку подходит.

– Называй меня Сергеем.

– Очень приятно! – поклонилась я. – А нож твой я запомню.

– Возьми его себе. Не пожалеешь, работа мастера.

– Давай к делу, – предложила я.

– Хорошо! – Он закинул ногу на ногу, скрестил на груди руки.

– Начну со вчерашних недоносков у твоего подъезда. Они не наши, если ты так подумала. Обычные дешевки и были наняты за рубль двадцать, чтобы дожидаться тебя и сообщить об этом. Нанял их человек, которым я очень интересуюсь. А он интересуется тобой. А ты – им. Въезжаешь помаленьку?

– Можно?

Я наклонилась за ножом. Он был небольшим, с массивной рукояткой, очень острый и неожиданно тяжелый. Клинок отполирован до зеркала.

Сергей, покопавшись в сумке, протянул мне ножны из светлой кожи.

Он не соврал – это было настоящее оружие ближнего боя.

– По недоноскам въезжаю. А вот что за человек, который мной интересуется, – невдомек. Я вроде пока никем конкретно не озабочена.

– Ну так озаботишься.

Темнит что-то этот Сергей. Для чего же тогда заявился, да еще с такой помпой?

– А тобой он не интересуется?

В его глазах мелькнула голубая искра, на мгновение сузила зрачки.

– Интересуется и мной.

– Как занимательно!

– Да, по кругу. – Он слегка улыбнулся, без глаз, одними губами.

– Ошибаешься, по дуге, – поправила его я. – Он интересуется нами, мы – им, ты интересуешься мной, а я тобой – нет.

– Вот поэтому я здесь.

Он вздохнул с облегчением, продолжил, подобрев лицом:

– Я здесь, чтобы объяснить, почему ты нужна нам, а мы – тебе.

– Уж не назовешь ли ты мне этого человека?

– Называть я тебе его не буду по двум причинам: во-первых, раздавать авансы не люблю, а во-вторых, вдруг тебе станет неинтересно сотрудничать с нами. А нам это необходимо! Возись тогда с тобой. Сама разберешься, а он поможет, не сомневайся, я серьезно говорю.

В несерьезности я его подозревать не могла, поэтому после его последних слов мне действительно стало интереснее его слушать, хоть и говорил он чересчур тягуче.

– Объясни, сделай милость, а то я все-таки мало что понимаю, уж такая бестолковая у тебя собеседница.

Его лицо посуровело.

– Что ты не понимаешь?

Да, это тебе не Стасик.

– Зачем ты заявился и с чего ты взял, что я ИМ интересуюсь? Представь такой вариант, что тех двух дешевок у подъезда я едва заметила, и мне все равно, кого они ждали, и все равно, кому и что они сообщили.

– Татьяна, я не лезу в твои дела. Ты – не лезешь в мои. Это нормально. Я не держу тебя за дуру, а ты, давай, не держи меня за дурака, я ведь к тебе по-хорошему. По идее, ты не должна интересоваться этого змея подколодного, но раз он тобой интересуется, значит, ты топчешься рядом с ним. А те двое лохов вчерашних, ведь мы их уже немного подержали за голые гузна ежовой рукавицей. Так чего ж ты вдруг решила выламываться? Давай не будем!

Ну не получается у этого Сергея. Убеждать он не привык или привык убеждать другими способами. Вот, даже галстук расслабил.

Звонок Стаса, придурки у подъезда, молчание по телефону. Без сомнений, все это взаимосвязано. Тот, кто за этим стоит, – шантажист. И он нужен мафии. И совсем не нужен Шубаровым. Шубаровы мне платят. Так чего ж я выламываюсь?

– Ладно, Сергей, не буду. Излагай дальше и скажи: этот «змей» связан с неприятностями Шубаровых?

– Я скажу тебе, Таня, очень много: мы хотим взять этого человека, но сами – не можем. Пусть этого будет тебе достаточно, ладно? Но если он вдруг пропадет на каком другом деле, скажем, на своем деле с тобой, то тут мы вроде как ни при чем. Но помогать мы тебе будем.

В прихожей что-то зашуршало, стукнуло. Легонько чмокнула закрывшаяся дверь. Сергей и ухом не повел, и я, глядя на него, решила не обращать внимания.

– Въезжаю я и, пожалуй, согласна. Согласна на то, что вы используете меня, а я пользуюсь вами.

– А-а! Отлично! Так дела и делаются!

Он был явно доволен.

– Но у меня есть условие.

– Выкладывай.

– После всего мне нужно будет кое о чем расспросить этого «змея».

– Если захочешь – сама, а если надо будет – поможем. Но и у меня есть условие. После своего расспроса ты забудешь о нем так, что больше не вспомнишь нигде и никогда. И о деле нашем забудешь тоже.

– С удовольствием!

– Живи спокойно. А как все созреет, мы не прозеваем, подойдет к тебе человек, тоже Сергей, и если предложит наточить нож, то ты его не опасайся, ладно?

– Ладно, Сергей.

Он встал, запахнул плащ. Выходя, обернулся:

– Удачи тебе, Ведьма!

* * *

Ведьма побродила немного по опустевшему дому, в одиночестве позволив себе растеряться. Вроде ничего и не произошло. И только нож в светлых кожаных ножнах напоминал мне о пережитом приключении. Даже в «Вену» идти было еще не поздно, хотя уже не хотелось. Сейчас нужно бы подумать, чтобы не брести вслепую, получая на каждом шагу затрещины, но голова была на удивление пустая.

Я плеснула себе в тонкий бокальчик хорошего коньячка, зажевала благородный напиток горстью орешков. Бросила в сумочку нож, а оттуда достала мешочек из мягкой замши. Кости. Сейчас единственные мои советчики.

5+20+27: «Близятся трудности, но вы сумеете овладеть ситуацией».

И утешители. Спасибо.

* * *

На улице, несмотря на яркое солнце и безоблачное небо, было холодно. Лужи на асфальте подернулись ледком, и дул неприятный ветер. Пришлось запахнуться и затянуть пояс. На проспект мне выходить не хотелось, и, недолго думая, я двинула по боковой. А еще через некоторое время натянула и капюшон. Стало еще лучше, обзор, правда, сократился. Поэтому я не заметила Аякса – пропитого престарелого голодранца, к которому питала необъяснимую симпатию и ссужала время от времени мелочевочкой «на поправ души» – по его выражению. А он, в благодарность, ссужал меня разного рода уличными новостями, среди которых встречались и любопытные, и полезные.

– Танька, Танька, Танька, Та-анечка! – услышала я прямо над ухом негромкое пение. Здравствуй, красавица моя!

Седые, всклокоченные лохмы, седая щетина на лице морковной красноты. Вениамин его имя.

– Здравствуй, Венечка!

– Идет, гляжу, Танька, не узнает. Гордая, как царица Савская.

– Ох, Аякс, что-то не до шуток мне сегодня. Настроение не то.

– Влюбилась, царица ты моя ненаглядная!

Он достал руки из карманов грязного пальто, хлопнул в ладоши.

– Не печалуйся, твой будет, куда ему деться, скотине этакой!

Не выдержала я, рассмеялась его неподдельной жизнерадостности, а он даже сплясал что-то от удовольствия.

Проходящая мимо нахмуренная матрона, дородность которой увеличивала шуба роскошного искусственного меха, шарахнулась от нас в сторону, зацепилась ногой за выбоину на асфальте. Аякс мгновенно порхнул к ней, поддержал за локоток:

– Осторожнее, мадам, не дербанитесь!

Вконец шокированная мадам замахала на него руками и быстро засемила прочь, дробно стуча каблучками.

Я смеялась в голос, а Аякс кричал ей вслед:

– Мадам, следите за дорогой, берегите тело!

– Ну, ты хам, Венчик! – попеняла я ему, когда он вернулся.

– Отвечу тебе, Танька, двойко. – Он многозначительно поднял вверх палец: – «Не судите и не судимы будете!» – раз, «Вынь прежде бревно из своего глаза!» – два.

– Ох, Аякс, мне сегодняшним утром только Святого писания не хватает!

– Потому и произнесено-о! – протянул он басом на дьячий манер и тут же, без перехода, противным, ерническим козлетоном:

– Танек, дай червончик, душа горит!

Надо дать, чтобы талант его скомороший не погиб от похмельного синдрома. Развеселил он меня, почти в норму привел.

– Спасибо! – он важно кивнул лохмами и, посерьезнев, тихо произнес: – А теперь слушай, что скажу. Помнишь Ирку, которая проституткой у Никиты работает? Ну, ту самую, что летом менты таскали за наводку? После того, как черножопых грабанули? Вспомнила? Ты ей тогда помогала еще чем – то, вытаскивала? Не мое, конечно, дело, но слухом земля полнится.

Вспомнила я ее. Действительно, помогла я тогда девчонке, осталась она на свободе.

– Так вот, Ирка недавно хвалилась хозяйке своей, у какой комнату снимает, что переходит на самостоятельную работу. Дескать, скандал большой у «крутых» пошел, чубы трещат у каждого второго. И Никиту ее смахнули. А грызутся-то вроде промеж себя свои, внутрисемейно, смекаешь? И чего это они, а? Ну, ладно, ты ничего не слышала, я тебе ничего не говорил, чава!

И Аякс, круто развернувшись, быстро удалился, приплясывая на ходу. Пальто его, колоколом расширившееся книзу, болталось из стороны в сторону.

В «Вене», как всегда в это время, чинно, тихо и очень чисто. Посетителей было мало, и Станислава я увидела от дверей. Он сидел за столиком у окна и тупо глазел на окружающее через хрустальной прозрачности стекло.

– Татьяна! – обрадовался он мне. – Наконец-то!

– Мух принес? – спросила я, глянув на него с нежно-грустной улыбкой.

– Я нес в коробочке, но у меня их взяли поглядеть и упустили.

Я фыркнула носом, чтобы не рассмеяться.

Какой-то он сегодня утомленный, пожеванный, не то что вчера. Спал, что ли, плохо? Я снилась. И что же мы с ним в его сне делали, если он так приустал?

– Чем будешь поить даму, мухолов?

- Кофе, как договаривались.
- Какой же кофе без мух?
- Шампанского? – предложил он, поразмышляв.
- Чересчур аристократично, с утра-то! – наморщила я нос.

Станислав сбегал к стойке и быстренько принес два коньячных коктейля. Кофе, правда, принес тоже.

Он начал с кофе, а я, удалив из бокала соломинку, глотнула крепкого.

«Танечка, – сказала я себе, – прикинься паинькой, пьющей с утра, на пустой желудок, коньяк!»

Станислав с интересом наблюдал за мной, а я соображала, потупив очи, с чего начать. Давить на него мне не хотелось по двум причинам. Во-первых, связь его с шантажистом была настолько крепкой, что напоминала собачью преданность. Чем же иным объяснить факт, что вчера он моментально сдал меня, свою избавительницу? И преданность эта, скорее всего, основывается на страхе. А страх – средство мощное, для многих почти непреодолимое, дави на них не дави.

Во-вторых, мне нужен был сам шантажист, а выйти на него, минуя Станислава, явных возможностей я не видела.

Так что, отбей я у Станислава охоту к общению, придется долго и нудно работать на «косвенных», искать другие подступы, а такое шерлокхолмство мне не по душе.

Моя интуиция, а я ей доверяю, подсказывала нехитрый план. Ясно, что шантажист, сочтя необходимым «установить» меня после звонка Станислава, не ограничится этим, если я предприму дальнейшие действия по «вскрытию» ситуации.

Грядут события, сказала я себе, и по мере их развития его личность, хочет он того или нет, будет постепенно проясняться. Так давай, голубушка, трогать черта за рога. Как? Наполеон говаривал перед битвой: мол, главное ввязаться, а там посмотрим. Словом, война план покажет. Вот только в войне этой надо уцелеть.

Чередование коньяка и кофе было восхитительным. Коньяк поднимал в груди теплую волну, а кофе гнал ее в остальные части тела. Станислав следовал за мной по пятам, отставая, может, всего на полкорпуса. Мы оба несли милую ахинею, он пробовал флиртовать, я сводила на нет все его попытки и ждала момента в нашей болтовне, за который можно зацепиться, чтобы невзначай задать мало-мальски стоящий вопрос. И случай вскоре представился. Он объявил, что знает меня уже тысячу лет, не меньше, и перешел к объяснению, что это дает ему право названивать мне в любое время суток. Тут я перебила его, попросив в подарок их семейный телефонный справочник. Он сначала помычал, сбитый с толку, а потом осведомился:

- Он нужен вам так же, как сушеные мухи?
- Нет, как маринованные тараканы!
- Понятно. Для очередных кулинарных изысков.
- Для освоения ясновидения! – прошептала я ему на ухо.
- Как интересно! – он вытянул губы трубочкой.
- Не лицемерь, Станислав, ты эту науку уже превзошел.
- Вот как? При помощи справочника?
- Несомненно. Как же иначе, не обладая таким даром, ты смог бы отыскать в нем номер моего телефона? Среди десятков-то Ивановых?

Оп-па! В точку! Шлепает губами, молчит Стасик. Свою визитку я Шубаровым не давала. Смеюсь, делаю вид, что удачно пошутила.

Давай, милый, выворачивайся, а то разозлюсь сейчас и вопреки всем своим планам прямо здесь аборт тебе сделаю! Вытащу из тебя все на мое обозрение.

Наконец он нашелся:

– А я обзванивал всех Ивановых подряд. На шестом или восьмом номере попал на вас. Повезло, конечно!

Я была в восторге, даже, не удержавшись, погладила его по щеке.

– Было бы правдоподобнее, если бы ты ответил сразу, не раздумывая.

Он скорчил гримасу обиженного пятилетнего мальчика. Но я уже не шутила.

– Ты, любезный Станислав, вообще волшебник телефонных переговоров. Или, точнее, ученик волшебника. Но очень способный. Отъезжая от вашего дома, я видела, как ты разговаривал по телефону, и представь, какое совпадение, сразу после этого со мной приключилась масса неприятностей. Признайся, ты звонил учителю?

На него было так жалко смотреть, что я на прощание поцеловала его лоб. Правда, выйдя из дверей, едва не сплюнула, но плевать молодой, красивой женщине на виду у всех не позволяют приличия.

Глава 4

«Отряхнем его прах с наших ног!» – фраза вдвойне святая и по евангельской, и по коммунистической памяти.

Время от времени прах с ног отрясать полезно – ноги будут чище, здоровее, а значит, двигаться станешь резвее и уверенней.

Выйдя на улицу, стряхнула я с себя Шубаровых и все, что с ними связано. Ситуация через Станислава теперь заряжена мною до хорошего разогрева, все остальное терпит, пусть будет у меня тайм-аут. На сегодня достаточно. К тому же я не успела размяться перед гимнастическими упражнениями в прихожей. Мышцы ноют. Значит, едем к Косте Чекменеву. Позволим себе хороший массаж и парную баню.

В раздевалке извлекла ключ из потайного местечка и открыла шкаф со своим снаряжением. Переодеваясь, с удовольствием прислушивалась к звукам, доносившимся сверху, – глухие удары, вскрики, дружный топот. Костя гоняет своих подопечных.

Константин зарабатывал на хлеб насущный, преподавая технику самообороны и поведения в экстремальных ситуациях, на что имел соответствующую лицензию от властей предрержащих. В городских спортивно-мордобойных кругах имел авторитет классного рукопашника, слегка, правда, подпорченный упорным нежеланием следовать какому-либо определенному стилю и твердо устоявшимся презрением к любого рода правилам. Его манера ведения боя была дикой и прекрасной смесью приемов, надерганных изо всех видов единоборств и удивительно гармонично увязанных друг с другом.

Заметив меня, Костя кивнул, коротко бросил: «Разминайся!»

В зале происходило нечто, напоминающее групповую драку. Около двух десятков человек обоего пола, пестро и разнообразно одетых, самозабвенно колошматили друг друга. Удары наносились не в полную силу, но со стороны выглядели довольно чувствительными. То и дело кто-нибудь из участников, оказавшись на краю побоища, выходил из борьбы, отбегал в сторону, переводил дух, оперевшись о собственные колени, и опять кидался в драку. Задержавшихся Костя подхлестывал резкими окриками.

Здесь его надлежало слушаться беспрекословно, и я занялась собой, продолжая следить за тренировкой. Константин то и дело, заходя с разных сторон, нырял в свалку. Его не щадили, но он, играючи отмахиваясь от зуботычин, целеустремленно добирался до намеченной жертвы, недостаточно активно, на его взгляд, работающей конечностями, добросовестно «обрабатывал» ее и так же легко выбирался из этого водоворота. Участники выматывались все больше, и Константин наконец остановил драку.

– Все, все, все! Закончили! – крикнул он, хлопая в ладоши. – Восстановились!

Никто не сел и не лег, хотя, видно было, многим очень хотелось. Вместо этого Константин погнал их вокруг зала легкой трусцой. Вначале бегуны, особенно девчонки, едва переставляли ноги. Но потом бежали все легче и через несколько кругов чувствовали себя вполне сносно.

– Групповой спарринг? – спросила я у подошедшего Константина.

– Уличная махаловка. Здравствуй, Таня.

– Привет! А не покалечатся?

– Что ты, я же слежу! Подожди еще пару минут, скоро я их вытурю.

Когда зал опустел, Костя с улыбкой обнял меня.

– С чего начнем?

Он сделал несколько мягких, быстрых движений из у-шу, закончил короткой, резкой связкой карате.

– Нет, нет! – запростестовала я, помня о слегка потянутых связках. – Давай удары корпусом и уход, но без подножек.

Константин нырнул вперед, подсел, по-утиному передвинул ногу, выпрямляясь и поворачиваясь, с силой толкнул меня плечом. От неожиданности я потеряла равновесие и грохнулась бы навзничь, не поддержи он меня. Вырвавшись, я отступила назад, выполнила короткий мах ногой и прыгнула вверх и вперед с поворотом в воздухе, поджимая ногу. Прделано все было достаточно быстро, и Костя принял грудью удар моего тела. Правда, в момент контакта он уже оседал вниз, и поэтому результатом нападения был мягко выполненный им кувырок назад. Секунда – и он стоял в боевой стойке «лук и стрела».

Спасибо Константину, в норму он привел меня умело и быстро. И разогрел, и промассажировал, и сауну предоставил в полное мое распоряжение. Благодаря ему я устала телом и отдохнула душой. Вернулась в себя настолько, что, выйдя на улицу, на предвечернее уже солнышко, почувствовала приливную волну здорового оптимизма. А это значило, что тайм-аут завершен. Раз так, то мне, конечно, в первую очередь требуется телефон.

– Аллю! – прозвучал в трубке голос Кирьянова.

– Добрый день, Владимир Сергеевич, Иванова беспокоит.

– Здравствуйте, здравствуйте, Татьяна Александровна! – Голос Кири радовал сердечностью. – Очень хорошо, что вы позвонили. Вы можете сейчас ко мне приехать?

– Да, разумеется, – ответила я, взглянув на часы. – Буду через сорок минут.

– Я выйду вас встретить.

Кирьянов дал отбой.

Повесив трубку автомата, я на ходу достала заветный мешочек из мягкой замши, выкастила на ладонь кости: 2+18+27 – «Готовьтесь к скорым волнениям».

Что ж, не привыкать!

Я не задержалась, прибыла минута в минуту, а Володенька уже ждал меня на Дзержинском перекрестке.

Киренька, синенький, крупнопогоненький, стоит себе, будто и дел у него больше нет никаких, меня ждет. Что-то хмурый он какой-то. Смотрит и не узнает. Понятно.

Я, едва заметно кивнув ему, поворачиваюсь и ухожу вверх по Дзержинской.

Неприятности какие-то у подполковника. Что-то он захотел в конспирацию поиграть.

Об этом я и спросила у него, когда он догнал меня и поздоровался. Нет у него неприятностей. Счастливый он человек! Озабоченность есть, угу. Озабочен мною? Как это приятно! Озабочен мною до конспиративности. Киренька, что ты? Да не смеюсь я и не думаю даже. Дело нехорошее? Шубаровых? Так-так-так, давай, давай. Ага, в Греции были, а здесь обчистили их дом. Почему, странно? Замки не сломаны, окна не выбиты? Как это? Будто ключом открыты? Действительно, странно. Да, есть у них такой работник Коврин. Твой тезка, Володя. Ого! Среди дня ушел от них на пару часов, а вернулся – дело сделано. Так, он и позвонил, значит. А сам он не мог? Лох. Совок. Фраер. Понятно. Подписался о невыезде и весь как на ладони. Очень хорошо! Ну и где он сейчас? Выехал? Нет? Я его, Киренька, вчерашним вечером воочию видела. Мельком, правда. Тот самый мужичок в старом пуховике, у шубаровского особняка вышедший из калитки, сразу как я подъехала. Что? Вот это номер! В реанимации! Четыре ножевых! Выходит, сразу после того, как я его видела. Это он тогда в темноту-то навстречу ножу пошел, бедолага! В какой, ты говоришь? Так. В первой городской, в реанимации. Я запомню. Знает больше, чем говорит. Как молчит? Так, наглухо! Интересно. Стас – наглухо! Коврин – наглухо! Этого – ножом! Того – шантажом! Вот что, подполковник, чтобы озабоченность твоя мною и дальше тебя донимала, дай-ка я тебя сейчас, да принародно! И не сопротивляйся, не смей!

Я обняла Вовку Кирьянова за шею и, не ерничая нисколько, ну, может, только самую малость, крепко поцеловала в губы, чуть дольше, чем следует, продержав момент контакта.

– Спасибо, Володенька, век твоей доброты не забуду!

– Танюха! – коснулся он моих волос. – Ты же умная девочка, ну, не перебегай дорогу нашим, не ищи неприятностей!

– Я и не ищу их, товарищ подполковник, они меня сами находят. А с вашими я конкурировать не собираюсь. Ограбление дома меня не интересует, по крайней мере – пока. Люди – Шубаровы, Коврин – да, а ограбление дома – нет. Так что книжный шкаф – один, а полки – разные. Понимаешь?

Что? Почему я ими интересуюсь? Володенька, расскажу все в подробностях, но попозже, ладно? Не обидишься? Не обидится, не такой он.

Вот человек, как поговорю с ним – на душе тепло. Расстались, пошли в разные стороны, оглянулась – и он оглянулся тоже. Руками помахали.

Итак, в свете неожиданно открывшихся обстоятельств решила я «шевелнуться» сегодня еще раз. Вознегерпелось, так сказать, а проще – испытала любопытство. Очень захотелось мне поговорить с Эллой Владимировной Шубаровой, узнать у нее – как там Стасик себя чувствует. Все-таки поцеловала я его сегодня. В лоб. Каково его впечатление от этого моего поцелуя да и от всей встречи нашей в «Вене»?

До автостоянки, где с вечера отстаивалась моя красавица, рукой подать.

Наблюдает ли кто за машиной? Вряд ли. Нецелесообразно. Однако, отпирая ее, не могла удержаться, чтобы не бросить несколько внимательных взглядов вокруг. Тоже нецелесообразно. Большой двор, забитый техникой. С одной стороны – громада института смотрит сотнями глазастых окон, с двух других – жилье. Разве вычислишь наблюдателя в таких условиях.

И еще, по необъяснимой пока причине, меня начинал интересовать работник Шубаровых Коврин. Хотя, какое отношение он может иметь к шантажу? Просто поговорила бы с ним, и все. Еще один повод для беседы с мадам Шубаровой.

А-а! Как Винни-Пух говорил в том достопамятном мультике? «Это „ж-ж-ж“ – неспроста!» Неспроста и проснувшийся вдруг интерес. Интуиция, ей-Богу! Чутье. Тянет меня дело, втягивает на быстрину потока. Танечка, не выгребай против, плыви по течению. Время раннее, мадам может быть на рабочем месте. Едем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.